

ПЛЕЙ-ЛИСТ

- «What We Had» — Sody
- «Falling» — Harry Styles
- «Possibility» — Lykke Li
- «Little Did You Know» — «Alex & Sierra»
- «July» — Noah Cyrus
- «Little Bit of You» — Kevin Garrett
- «Idfc» — blackbear
- «Poser» — Grace VanderWaal
- «Lost On You» — Lewis Capaldi
- «Before You Go» — Lewis Capaldi
- «Hollow» — James Smith
- «Lost Without You» — Freya Ridings
- «The Light» — «The Album Leaf»
- «Lie» — NF
- «Love in The Dark» — Jessie Reyez
- «When the Party's Over» — Billie Eilish
- «Watch» — Billie Eilish
- «Rest» — Minke
- «The Other» (гитарная версия) — Lauv
- «Unspoken» — Aaron Smith
- «Can We Kiss Forever?» — Kina,
Adriana Proenza

*Всем и каждому,
кто хоть раз в жизни
чувствовал себя потерянным.
Мне бы очень хотелось
помочь вам найти себя*

Глава 1

КАЭЛ, 2019

От черных нарядов болят глаза. Давно я не видел столько людей в одинаковом облачении. С годами у меня выработалась привычка к защитной форме, и я до сих пор выискиваю ее в гражданском мире, хотя в армии уже не служу. Иногда я скучаю по привилегии носить одно и то же каждый день. Снимаю с вешалки очередной пиджак, только из химчистки, и вспоминаю военную куртку, грязную и задубелую от песка: она даже поскрипывала, пока мы часами маршировали под палящим солнцем Джорджии. Моя рука тянется под рубашку, нащупывает на шее армейские жетоны.

Я не из тех, кто носит их для хвастовства или ради бесплатной выпивки в баре; я ношу жетоны потому, что тяжесть металла на груди помогает твердо стоять на ногах. Вряд ли я их когда-нибудь сниму.

— Прохладно, — говорит мама.

Я оставляю жетоны в покое и кладу руки на колени.

— Накинешь мой пиджак? — предлагаю.

Она качает головой.

— Тело нужно хранить в холоде, — произносит знакомый голос.

— Ты, я смотрю, не меняешься, извращенец. — Я обнимаю Сильвина.

Он сильно похудел с тех пор, как мы обнимались в последний раз.

— Ты, я смотрю, тоже. — Сильвин бьет меня по руке.

Мама поглядывает неодобрительно и бьет его чуть сильнее, чем он ударил меня.

— А ну прекрати, — командует она.

— Сколько раз я это слышал? — Сильвин обнимает маму, и та расплывается в улыбке.

Они встречались мало, однако маме он нравился, хоть и был хамоватым засранцем с идиотским чувством юмора. Этот извращенный юмор спасал нас в самые тяжелые времена, так что мне Сильвин тоже нравился.

— Ты как, дружище?

Я спрашиваю обыденно, но понимаю — ему сейчас, наверное, больнее, чем остальным в церкви. Как мне в прошлый раз.

Сильвин прочищает горло, моргает покрасневшими глазами.

— Неплохо, Мартин. Я... м-м... неплохо. Хотелось бы торчать не тут, а в Вегасе, с какой-нибудь порнозвездой, проматывать ее денежки. — Он смущенно смеется.

— Ну, кому не хотелось бы, — осторожно шучу я в ответ.

Зачем беречь раны? Иногда лучше ничего не чувствовать.

— Сядешь с нами? Или у тебя уже есть место? — говорю я.

— Мы же не на концерте, дубина! — со смехом заявляет Сильвин и садится рядом с мамой.

Идиотский смех Сильвина — единственный намек на радость во всей церкви, пусть он и маскирует глубокую печаль. С потолка сочится скорбь. Горе, пропитывающее человека насквозь и никогда не смывающееся. Оно видно невооруженным глазом. Бремя, которое всегда с тобой, бежит по венам вместе с кровью, давит на плечи. Сильвин со вздохом откидывается на скамье, тяжело обмякает на деревянном сиденье в попытке перевалить на него часть бремени. Глаза смотрят вперед, вдаль, куда-то в прошлое, которое не отпускает, не позволяет даже мечтать о покое. Сильвин слишком молод, чтобы выглядеть таким стариком... Он резко сдал, а ведь раньше мы называли его «пупсиком». Дразнили за кукольное личико, пародировали южный говор. Сильвин из Миссисипи; во время нашей первой операции он напоминал пятнадцатилетнего мальчишку, теперь же выглядел старше меня. Пупсик, как именовал его весь взвод, сильно повзрослел с той истории, когда на лицо ему посыпались с неба ошметки сырого тунца. Мой мозг вновь взорвало, я с ужасом понял, что ливень состоит из кусков человеческой плоти, а не из рыбы. Я стоял совсем близко, на носок моего армейского ботинка шлепнулся палец с обручальным кольцом. Джонсон изменился в лице: повернул голову и обнаружил, что его боевого товарища, Кокса, больше нет рядом. В глазах Джонсона что-то

вспыхнуло и тут же погасло; он вскинул автомат и двинулся дальше. Больше Джонсон о друге не упоминал и не проронил ни слова, пока беременная вдова Кокса плакала на его похоронах. Сегодня, кстати, все до жути напоминает те похороны.

Я оглядываюсь в поисках часов. Разве не пора? Скорей бы с этим покончить. Все похороны одинаковы. По крайней мере армейские, а других я не видел с детства. С тех пор как я стал новобранцем, побывал минимум на десяти похоронах. То есть десять раз я молча сидел на деревянной скамье и рассматривал лица солдат, глядящих вдаль и привычно сжимающих губы в прямую линию. Десять раз беспокойные дети, которые и жизни-то не понимают, что уж говорить о смерти, ползали у ног родителей. Десять раз в толпе раздавались рыдания. К счастью, лишь половина покойных имела семью, поэтому рыдающих жен, чья жизнь разлетелась в клочья и переменилась навсегда, было только пять.

Я часто думаю — когда же поток извещений иссякнет? Сколько еще лет мы будем собираться вот так? Пока не станем старыми и седыми? Кто к кому явится на похороны первым — Сильвино ко мне или я к нему? Я приезжаю всегда, как и Джонсон, которого я вижу сейчас краем глаза. И Стэнсон, который держит на руках новорожденного сына. Стэнсон до сих пор в армии, но приезжают даже те из нас, кто в отставке. Я однажды летал в штат Вашингтон ради едва знакомого парня — он нравился Мендосе.

Сегодня людей больше обычного. Впрочем, и любили сегодняшнего погибшего солдата больше других. Не могу произносить его имя, даже мысленно. Не хочу подвергать такому испытанию ни себя, ни маму, которую я по дороге забрал из Ривердейла и привез сюда. Маме он нравился.

Всем нравился.

— Что это за дама? — спрашивает мама и кашляет.

Ее палец указывает на женщину, которую я не узнаю.

— Без понятия, мам, — шепчу в ответ.

Затравленные глаза Сильвина закрыты. Я отвожу от него взгляд.

— Я эту даму точно знаю, — не унимается мама.

На сцену выходит мужчина в костюме. Значит, пора.

— Мам, начинают, — одергиваю я.

Я высматриваю Карину, она уже должна быть здесь. Мама опять кашляет. В последнее время кашель усилился. Он мучает ее года два, если не дольше. Временами проходит, вознаграждает маму за отказ от курения. Потом возобновляется, делается влажным, и тогда она бурчит — мол, с тем же успехом могла бы и дальше курить «Мальборо». Я спорил с ней полжизни, с десятилетнего возраста, и слышал, как то же самое делал доктор: говорил, что мама потеряет легкое, если не бросит, что она и так уже принимает много лекарств. Мама прижимает к губам платок, закашливается. На миг закрывает усталые глаза, вновь устремляет невидящий взгляд на покрытый цветами помост.

Гроб, конечно, закрыт. Ни к чему показывать детям неузнаваемое тело.

Черт, хватит! Я провел бог знает сколько времени с медиками, перед которыми стояла задача меня починить, так что по идее я должен уметь отгонять подобные мысли. Увы, разные методы, которым нас учили, не работают. Мрак никуда не уходит, не двигается с места. Может, потребовать от правительства компенсацию? Они, как и положено, оплатили мое лечение, но разве оно помогло? Явно нет. Ни Сильвину, ни мне, ни парню в гробу на помосте.

«Считай в обратном порядке», — советовали нам.

«Считай в обратном порядке и думай о том, что дарит тебе радость или покой. Ощущай твердую почву под ногами. Знай, что ты теперь в безопасности», — твердили врачи.

Когда я нуждаюсь в покое, то думаю о *ней*. С первой нашей встречи. Помогает до тех пор, пока о себе не напоминает реальность. Тогда возникает желание наказать себя за то, что *ее* больше нет в моей жизни, и я еще глубже погружаюсь во мрак.

Я не успеваю закончить сеанс собственной психотерапии — кто-то барабанит пальцами по микрофону, и звук громко разносится по залу.

— Как только все займут свои места, мы приступим, — мягко и безучастно произносит распорядитель похорон.

Наверное, он говорит это по несколько раз в неделю.

Зал умолкает, и погребальная церемония начинается.

* * *

По ее окончании часть гостей выстраивается в очередь к гробу, чтобы попрощаться, но мы продолжаем сидеть. Сильвин ловит мой взгляд и многозначительно поднимает глаза кверху. Кто-то хлопает меня по плечу. Я совру, если скажу, будто внутри не вспыхивает надежда. Карина?! Хотя я уверен, что не она.

Так и есть. Глория. Стоит за моей спиной, одетая в черное платье с вышитыми по лифу белыми цветами. Я видел Глорию в этом платье раз десять, не меньше. Десять похорон. Сегодня просто день потрясений: сначала Карина, за ней Сильвин, потом проигрыш на торгах — четырехквартирный дом в предместье Форт-Беннинга, шикарная была бы сделка, — а теперь вот Глория, которая всегда наводит меня на мысли о ее муже.

— Привет, Глория. — Я встаю, обнимаю ее.

Она тоже меня обнимает, отстраняется, обнимает вновь.

— Ты как? Я за тебя переживала. Не переживаешь. — Глория корчит гримаску. — Сволочь, — шепчет, не отводя взгляда.

— Работы по горло, да и не люблю я телефонных разговоров, ты же знаешь.

Глория закатывает темные глаза.

— Дети скучают, ясно? И постоянно о тебе спрашивают.

Дети. От чувства вины к горлу подступает кислота, жжет.

— Я тоже по ним скучаю. — Я опускаю взгляд к ногам Глории, за которые обычно цепляется